

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,

*кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В системе конституционного права государственные механизмы охраны и защиты прав человека занимают центральное место, поскольку именно государство обладает публичной властью, правотворческой компетенцией, аппаратом принуждения, бюджетными ресурсами и обязанностью создавать условия для реального пользования правами. Российская Конституция закрепляет человека, его права и свободы как высшую ценность, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина названы обязанностью государства. Это означает, что права человека не являются внешним по отношению к государству моральным пожеланием: они выступают юридическим критерием организации публичной власти, содержания законодательства, деятельности органов управления и правосудия.

Ключевые слова: права человека, государственные механизмы охраны и защиты прав, конституция, публичная власть, государственные гарантии.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,

*Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation,
laureate of the Government of the Russian Federation in the field of education,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor of the Department of Private Law of the State University of Management*

STATE MECHANISMS FOR THE PROTECTION AND SAFEGUARDING OF HUMAN RIGHTS

Annotation. State mechanisms for the safeguarding and protection of human rights occupy a central place within the system of constitutional law, as it is the state that possesses public authority, law-making competence, a coercive apparatus, and budgetary resources, as well as the obligation to create conditions for the actual exercise of rights. The Russian Constitution enshrines the individual—along with their rights and freedoms—as the supreme value, and designates the recognition, observance, and protection of the rights and freedoms of man and citizen as a duty of the state. This implies that human rights are not merely a moral aspiration external to the state; rather, they serve as a legal criterion for the organization of public authority, the content of legislation, and the activities of administrative and judicial bodies.

Key words: human rights, state mechanisms for the safeguarding and protection of rights, constitution, public authority, state guarantees.

В научном плане государственный механизм охраны и защиты прав человека целесообразно понимать как институционально-процедурную систему органов публичной власти, юридических средств, процессуальных форм, гарантий и мер ответственности, с помощью которых государство предупреждает нарушения

прав, восстанавливает нарушенное право, компенсирует причиненный вред и устраняет причины правонарушений. [1] Такая конструкция соединяет нормативное, организационное, юрисдикционное, контрольное и правовосстановительное начала. В этом смысле механизм не сводится ни к судебной защите, ни к деятельности правоохранительных ор-

ганов: он охватывает весь цикл публичной работы с правом — от законодательного проектирования до исполнения судебного решения. [2; 3]

Категориально важно различать охрану и защиту прав человека. Охрана имеет превентивный, обеспечительный и регулятивный характер: государство формирует правовой режим, запрещает произвольное вмешательство, определяет компетенцию органов власти, финансирует социальные гарантии, организует доступ к публичным услугам, ведет контроль и мониторинг. Защита, напротив, актуализируется при нарушении, оспаривании или угрозе нарушения субъективного права и предполагает применение специальных процедур: обращения в суд, административной жалобы, прокурорского реагирования, конституционного контроля, компенсационных и исполнительных механизмов. Охрана отвечает на вопрос, как не допустить нарушения; защита — как устранить нарушение и восстановить правовое положение лица. [4]

Конституционная формула ст. 18 придает правам и свободам прямое институциональное значение: они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. [5, ст. 18] Поэтому государственный механизм прав человека следует оценивать не по количеству учреждений, а по способности каждого института — парламента, правительства, суда, прокуратуры, омбудсмана, органа контроля, органа социальной защиты — превращать конституционное право в реально доступное благо. Механизм, не обеспечивающий доступности, своевременности и исполнимости результата, остается формальным.

Базовой нормой является положение о гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Конституция одновременно закрепляет право каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом, что принципиально расширяет арсенал правореализации и не замыкает личность исключительно на государственных инстанциях. [5, ст. 45] Однако именно государственные средства выступают «несущей конструкцией» всей системы, поскольку они обладают общеобязательной силой: суд может отменить незаконный акт, прокурор — внести представление или обратиться в суд, Конституционный Суд — устранить неконституционную норму из правового оборота, судебный пристав — обеспечить принудительное исполнение. [6]

Статья 46 Конституции закрепляет универсальную гарантию судебной защиты, включая возможность обжалования решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. [5, ст. 46] Эта норма имеет не только процессуальное, но и системообразующее значение: она превращает права человека в юридически проверяемые требования, а государственную власть — в объект судебного контроля. Любое пу-

бличное решение, затрагивающее права, должно быть потенциально объяснимым, проверяемым и отменяемым в установленном законом порядке. [7]

Конституционная архитектура государственных механизмов строится на разделении публичных функций. Законодательная власть создает нормативные гарантии; исполнительная власть организует предоставление благ и услуг, принимает индивидуальные решения, осуществляет контроль; судебная власть разрешает споры и восстанавливает нарушенные права; прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов; уполномоченные по правам человека обеспечивают дополнительный, внесудебный канал реагирования на нарушения. Такое распределение исключает монополию какого-либо одного органа и позволяет выстроить многоуровневую систему защиты. [8]

Компетенционная основа механизма определяется разграничением ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации. Регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина отнесены к ведению Российской Федерации, а защита прав и свобод, защита прав национальных меньшинств, обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности — также к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. [5, ст. 71, 72] Это означает, что государственные механизмы имеют федеральный каркас, но значительная часть их практической реализации происходит на региональном уровне — через органы социальной защиты, здравоохранения, образования, жилищного контроля, региональных уполномоченных и административные комиссии. [9]

После конституционной реформы 2020 г. особое значение получила категория единой системы публичной власти. Для сферы прав человека это означает необходимость согласованности федеральных, региональных и муниципальных процедур, чтобы гражданин не сталкивался с «разрывами компетенции» и перекладыванием ответственности между уровнями власти. Федеральный закон об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации закрепляет институциональные принципы такой координации. [10] Практический смысл этой идеи состоит в том, что права человека требуют не только юридического признания, но и межведомственного исполнения.

Первый уровень государственной охраны прав человека — правотворческий. Через федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов Федерации, подзаконные акты и административные регламенты государство определяет содержание правомочий, пределы их ограничения, процедуры реализации, состав обязанностей органов власти и меры ответственности. Ошибка законодателя на этом уровне порождает массовый характер нарушений: если норма изначально неопределенна, чрезмерно ограничительна или процедурно неполна, отдельный гражданин оказывается вынужден защищать не только свое право, но и

самую конституционность правового режима. [11]

Правотворческая охрана включает не только принятие норм, но и оценку их качества. Для прав человека критически важны ясность юридического языка, предсказуемость последствий, соразмерность ограничений, недискриминационность критериев и наличие процедуры обжалования. Норма, предоставляющая органу власти чрезмерное усмотрение без процессуальных фильтров, создает риск произвола даже при формальном соответствии закону. Поэтому современная охрана прав человека должна строиться не как декларативное закрепление прав, а как проектирование безопасной правовой среды, в которой полномочие органа власти изначально ограничено правом личности. [12]

Организационно-административный механизм охраны проявляется в повседневной деятельности исполнительной власти: выдаче документов, назначении социальных выплат, предоставлении медицинской помощи, регистрации прав, обеспечении образования, рассмотрении заявлений, контроле качества услуг. Федеральный закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг институционализировал сервисный аспект публичной власти, включая стандартизацию процедур, межведомственное взаимодействие и электронные формы обращения. [13] В сфере прав человека это имеет принципиальное значение: нередко право нарушается не из-за отсутствия нормы, а из-за административной недоступности процедуры, очередей, отказов, несогласованности ведомственных баз данных. [14]

Административная охрана прав человека должна подчиняться модели «публичная услуга плюс публичная ответственность». Государство не только предоставляет услугу, но и несет обязанность объяснить отказ, обеспечить срок, предоставить понятный порядок обжалования и исправить ошибку. Чем более массовым является право — пенсия, пособие, медицинская помощь, образование, регистрация недвижимости, доступ к информации, — тем больше значение имеют регламенты, цифровые интерфейсы и ведомственный контроль качества. Индивидуальная жалоба в таких сферах часто выявляет системный дефект, требующий нормативного или организационного изменения.

Контрольно-надзорная деятельность также относится к охранительным механизмам, но ее назначение не должно сводиться к наказанию. Федеральный закон о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле ориентирует контроль на достижение общественно значимых результатов и минимизацию риска причинения вреда охраняемым законом ценностям. [15] В правозащитном измерении это означает переход от карательной логики к риск-ориентированной профилактике: государство должно заранее выявлять угрозы жизни, здоровью, жилищным, трудовым, экологическим, информационным правам и устранять их до наступления необратимых последствий.

Судебная защита является центральным госу-

дарственным механизмом восстановления прав, поскольку только суд обладает конституционно гарантированной независимостью, процессуальной формой доказывания и полномочием выносить обязательное решение. Федеральный конституционный закон о судебной системе закрепляет, что судебная власть осуществляется только судами, а судебные постановления обязательны для всех органов, организаций, должностных лиц и граждан. [16] В этом проявляется качественное отличие суда от административной жалобы: суд не просит орган исправить нарушение, а юридически разрешает спор и формирует обязательный результат.

Судебный механизм имеет несколько контуров. Конституционное судопроизводство обеспечивает проверку нормативных актов на соответствие Конституции и устраняет дефекты правового регулирования, затрагивающие неопределенный круг лиц. Гражданское судопроизводство защищает частные права и личные неимущественные интересы. Административное судопроизводство предназначено для проверки публичных решений и действий. Арбитражное судопроизводство обеспечивает судебную защиту в экономической сфере, где права человека проявляются через свободу предпринимательства, право собственности и доступ к правосудию. Уголовное судопроизводство охраняет личную свободу, достоинство, неприкосновенность личности и права потерпевших. [17]

Особое место занимает Конституционный Суд Российской Федерации. Его правозащитная роль состоит не в пересмотре конкретного дела по существу, а в устранении неконституционной нормы или конституционно-правового смысла, который породил нарушение. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде определяет его компетенцию по разрешению дел о соответствии Конституции нормативных актов и по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле. [18] Поэтому конституционное правосудие действует как механизм системной коррекции: оно возвращает индивидуальную жалобу на уровень нормотворчества. [19]

Правовые позиции Конституционного Суда образуют особый слой конституционных гарантий. Они конкретизируют содержание достоинства личности, равенства, судебной защиты, права собственности, социальных прав, принципа соразмерности ограничений. На официальном сайте Конституционного Суда выделен самостоятельный массив правовых позиций по правам, свободам и обязанностям, что отражает устойчивую практику конституционализации отраслевого законодательства. [20] Практическое значение этих позиций состоит в том, что они связывают законодателя, правоприменителя и суды общей юрисдикции конституционно допустимым смыслом нормы.

Административное судопроизводство стало одним из ключевых инструментов судебного контроля за публичной властью. Кодекс администра-

тивного судопроизводства Российской Федерации закрепляет процессуальную форму рассмотрения дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. [21] В отличие от классического гражданского спора, административное дело предполагает проверку властного поведения, а потому требует особого распределения бремени доказывания, активной роли суда и повышенных стандартов мотивировки публичного решения.

Эффективность судебной защиты зависит не только от вынесения решения, но и от его своевременности. Затягивание процесса может само по себе стать нарушением права. Поэтому компенсационный механизм за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок является важной формой государственной ответственности за неэффективность правосудия. [22] Он показывает, что государство отвечает не только за незаконный исход дела, но и за организационные дефекты судебной системы, превращающие право на суд в чрезмерно длительную процедуру.

Не менее значимым элементом является открытость судебной власти. Доступ к информации о деятельности судов, публикация судебных актов, возможность электронного обращения, аудиопотоколирование и дистанционные формы участия повышают проверяемость правосудия и уменьшают риск закрытого административного усмотрения внутри самой судебной системы. Федеральный закон об обеспечении доступа к информации о деятельности судов прямо закрепляет принципы открытости и доступности соответствующей информации. [23] Однако цифровая открытость не должна подменять процессуальные гарантии: технологический интерфейс эффективен лишь тогда, когда сохраняются равенство сторон, право быть услышанным и возможность представить доказательства.

Прокуратура занимает промежуточное положение между охраной и защитой прав человека. С одной стороны, прокурорский надзор носит профилактический характер: выявляются нарушения закона, причины и условия их совершения, принимаются меры реагирования. С другой стороны, прокуратура выступает как средство защиты конкретного лица, особенно когда гражданин не способен самостоятельно обратиться в суд или нарушение имеет массовый характер. Закон о прокуратуре определяет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов как одну из ключевых функций прокуратуры. [24]

Преимущество прокурорского механизма заключается в его внесудебной оперативности и возможности реагировать на нарушения в деятельности органов власти, учреждений, должностных лиц. Представление, протест, предостережение, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, исковое заявление в защиту гражданина или неопределенного круга лиц позволяют

прокурору воздействовать на нарушение до или вне судебного процесса. В то же время прокурорский надзор не должен подменять суд: окончательное разрешение спора о праве и применение мер, существенно затрагивающих правовое положение лица, должны оставаться в сфере правосудия.

Административная жалоба является наиболее массовым и доступным механизмом защиты. Федеральный закон о порядке рассмотрения обращений граждан закрепляет право граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам, а также устанавливает обязанность их рассмотрения. [25] В правозащитной системе этот механизм выполняет две функции: индивидуальную — исправление конкретного нарушения, и информационно-диагностическую — выявление повторяющихся дефектов публичного управления.

Проблема административной жалобы состоит в риске ведомственной замкнутости: орган, допустивший нарушение, нередко оценивает собственное решение или решение подчиненной структуры. Поэтому эффективная жалоба требует независимого уровня пересмотра, мотивированного ответа, доступа заявителя к материалам, запрета формальных отписок и возможности последующего судебного контроля. Без этих условий административный порядок превращается в фильтр, затрудняющий доступ к суду, а не в средство быстрого восстановления права.

Ведомственный контроль и внутренний аудит также являются государственными механизмами охраны прав человека, хотя в учебной литературе им часто уделяется меньше внимания. Проверка законности решений подчиненных органов, служебная дисциплина, антикоррупционные процедуры, оценка качества государственных услуг, анализ жалоб, контроль соблюдения сроков — все это формирует инфраструктуру повседневной законности. Для гражданина именно ведомственный уровень часто является первым контактом с государством; следовательно, качество внутреннего контроля напрямую влияет на восприятие правового государства. [26]

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации представляет собой дополнительный государственный механизм защиты, сочетающий черты парламентского контроля, медиативного правозащитного посредничества и публичного мониторинга. Федеральный конституционный закон определяет, что Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства о правах человека и гражданина, приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права. [27] Сила этого института не в принуждении, а в публичности, авторитете, независимости оценки и способности связывать индивидуальные жалобы с системными рекомендациями.

Омбудсменский механизм особенно важен там, где формальная законность не гарантирует спра-

ведливого результата: в местах принудительного содержания, социальной сфере, миграционных отношениях, защите прав военнослужащих, инвалидов, пожилых, детей, лиц без определенного места жительства. Ежегодные доклады Уполномоченного выполняют функцию официального правозащитного мониторинга: они агрегируют обращения, выявляют типичные нарушения, предлагают законодательные и организационные меры. [28] В отличие от суда, омбудсмен не разрешает спор окончательно, но способен показать государству, что отдельное нарушение является симптомом институциональной проблемы.

Региональные уполномоченные по правам человека, уполномоченные по правам ребенка, по защите прав предпринимателей и иные специализированные институты расширяют доступность государственной защиты. Их значение особенно велико в федеративном государстве, где многие права реализуются через региональные учреждения — больницы, школы, органы социальной защиты, жилищные инспекции, службы занятости. Специализация позволяет точнее видеть уязвимость конкретных групп, однако требует координации: множество уполномоченных не должно приводить к размыванию ответственности и конкуренции компетенций.

Государственная система бесплатной юридической помощи является самостоятельной гарантией доступа к защите. Федеральный закон о бесплатной юридической помощи устанавливает правовые основы такой помощи и категории граждан, имеющих право на ее получение. [29] Для прав человека это принципиально: формальное право на суд или жалобу мало значит, если человек не способен подготовить заявление, определить ответчика, собрать доказательства и понять процессуальный срок. Юридическая помощь превращает абстрактное средство защиты в практически применимый инструмент.

Важным элементом специализированных гарантий является защита потерпевших и компенсация вреда, причиненного незаконными действиями органов власти или их должностных лиц. Конституция закрепляет право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, а также право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и должностных лиц. [5, ст. 2, 17, 18, 45, 46] Эти положения связывают правозащитный механизм с ответственностью публичной власти: нарушение права должно иметь имущественные и организационные последствия для государства.

Защита права не завершается вынесением судебного акта. Если решение не исполнено, право остается декларацией, а судебная защита — незавершенной процедурой. Исполнительное производство поэтому является не техническим приложением к правосудию, а самостоятельной стадией государственного механизма защиты прав челове-

ка. Федеральный закон об исполнительном производстве закрепляет принципы законности и своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. [30] Эти принципы имеют конституционный смысл: государство обязано обеспечить не только доступ к суду, но и реальное исполнение результата судебной защиты.

Неисполнение судебных решений особенно опасно в делах против публичной власти, поскольку нарушает баланс между гражданином и государством. Когда орган власти проигрывает спор, но фактически уклоняется от исполнения, возникает вторичное нарушение — отрицание обязательности судебной власти. Поэтому механизмы бюджетного исполнения, персональной ответственности должностных лиц, судебного штрафа, прокурорского реагирования и компенсации за длительное исполнение должны рассматриваться как элементы единой правозащитной инфраструктуры.

Исполнение решений имеет и превентивный эффект. Орган власти, знающий, что незаконное решение будет отменено, вред — взыскан, а неисполнение — повлечет дополнительные санкции, получает стимул изменять административную практику. Напротив, слабое исполнение судебных актов формирует институциональную безнаказанность. Поэтому качество государственного механизма прав человека измеряется не числом выигранных гражданами дел, а долей реально восстановленных прав и устраненных причин нарушений. [31]

До 2022 г. важным внешним контуром защиты прав для российских заявителей являлась европейская система защиты прав человека. После прекращения участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 сентября 2022 г. Европейский суд по правам человека сохраняет компетенцию по заявлениям против России только в отношении действий или бездействия, имевших место до этой даты. [32] Эта институциональная трансформация существенно повысила нагрузку на внутренние механизмы — прежде всего суды, Конституционный Суд, прокуратуру, омбудсменов и компенсационные процедуры. [33]

Российское законодательство дополнительно установило, что постановления Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации. [34] Для академического анализа важно не политизировать этот факт, а увидеть его правовое последствие: внутренний механизм защиты должен быть самодостаточным, сопоставимым по эффективности с международными стандартами процессуальной справедливости и способным выявлять системные нарушения без внешнего судебного давления. [31]

Международные договоры универсального уровня и общепризнанные принципы международного права сохраняют значение для российского правового пространства в пределах конституцион-

ной модели соотношения международного и национального права. Однако центр тяжести защиты сместился к национальным средствам. Это означает, что качество мотивировки национальных судебных актов, доступность конституционной жалобы, ответственность административного судопроизводства и возможность компенсации вреда приобретают не вспомогательное, а ключевое значение для легитимности всей системы прав человека.

Список литературы:

- [1] Горбунов С.В. Исторические этапы формирования национальной системы защиты прав потребителей в России // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 9–12.
- [2] Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2009. С. 27–35.
- [3] Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2012. С. 248–256.
- [4] Виноградова Е.В. Суд присяжных. Российский формат // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 19–22.
- [5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 13.06.2026).
- [6] Шеленговский П.Г. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты прав человека и гражданина в правоприменительной деятельности // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 45–48.
- [7] Конопляникова М.В., Хавпачев А.З., Бондаренко П.К. К вопросу об электронной демократии как фундаменте современного развитого общества: этапы становления и перспективы развития // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 38–44.
- [8] Григорова А.В. Обеспечительные меры в налоговых спорах // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 21–23.
- [9] Якухина Е.В. Роль исполнительского иммунитета в обеспечении правовой стабильности и защите интересов государства // Юридическая наука и практика. 2025. № 3. С. 18–20.
- [10] Федеральный закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (дата обращения: 13.06.2026).
- [11] Бжахов Г.М. Противодействие коррупции в России // Юридическая наука и практика. 2025. № 1. С. 20–23.
- [12] Андреева Д.Ю. Проблема обеспечения защиты прав граждан в системе местного самоуправления новых регионов Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2025. № 3. С. 13–17.
- [13] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140498> (дата обращения: 13.06.2026).
- [14] Волгин П.А. Основные теоретические подходы к определению правовой культуры // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 18–20.
- [15] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102801479> (дата обращения: 13.06.2026).
- [16] Федеральный конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098> (дата обращения: 13.06.2026).
- [17] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации образуют процессуальную основу судебной защиты соответственно по гражданским, экономическим, уголовным и публично-правовым спорам.
- [18] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (дата обращения: 13.06.2026).
- [19] Аушева М.Я. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 79–83.
- [20] Права, свободы и обязанности в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/> (дата обращения: 13.06.2026).
- [21] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 13.06.2026).
- [22] Федеральный закон от 30 апр. 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102138001> (дата обращения: 13.06.2026).
- [23] Федеральный закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/>

ips/?docbody=&nd=102126522 (дата обращения: 13.06.2026).

[24] Закон Российской Федерации от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (дата обращения: 13.06.2026).

[25] Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102106413> (дата обращения: 13.06.2026).

[26] Махаев Р.М. Реформы государственной службы в Российской Федерации на современном этапе: содержание и результаты // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 232–236.

[27] Федеральный конституционный закон от 26 февр. 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861> (дата обращения: 13.06.2026).

[28] Ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 13.06.2026).

[29] Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201111210005> (дата обращения: 13.06.2026).

[30] Федеральный закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007> (дата обращения: 13.06.2026).

[31] Хомич Е.Д. Специфика взаимодействия Президента с Парламентом в Российской Федерации // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 23–27.

[32] Russia ceases to be party to the European Convention on Human Rights // Council of Europe. 16 September 2022. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/russia-ceases-to-be-party-to-the-european-convention-on-human-rights> (accessed: 13.06.2026).

[33] Махаев Р.М. Реформы государственной службы в Российской Федерации на современном этапе: содержание и результаты // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 232–236.

[34] Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федера-

ции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028> (дата обращения: 13.06.2026).

References:

[1] Gorbunov S.V. Historical Stages in the Formation of the National Consumer Protection System in Russia // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. P. 9–12.

[2] Human Rights: Textbook / Ed. by E.A. Lukasheva. Moscow: Norma, 2009. P. 27–35.

[3] Nersesyants V.S. General Theory of Law and State. Moscow: Norma, 2012. P. 248–256.

[4] Vinogradova E.V. Trial by Jury: The Russian Format // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. P. 19–22.

[5] Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (accessed: June 13, 2026).

[6] Shelengovsky P.G. Constitutional and Legal Mechanism for the Safeguarding and Protection of Human and Civil Rights in Law Enforcement Activities // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 45–48.

[7] Konoplyanikova M.V., Khavpachev A.Z., Bondarenko P.K. On the Issue of E-Democracy as a Foundation of a Modern Developed Society: Stages of Formation and Prospects for Development // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 38–44.

[8] Grigorova A.V. Interim Measures in Tax Disputes // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. P. 21–23.

[9] Yakukhina E.V. The role of enforcement immunity in ensuring legal stability and protecting state interests // Legal Science and Practice. 2025. No. 3. P. 18–20.

[10] Federal Law No. 414-FZ dated December 21, 2021, «On General Principles of the Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (accessed: June 13, 2026).

[11] Bzhakhov G.M. Combating corruption in Russia // Legal Science and Practice. 2025. No. 1. P. 20–23.

[12] Andreeva D.Yu. The problem of ensuring the protection of citizens' rights within the local self-government system of the new regions of the Russian Federation // Legal Science and Practice. 2025. No. 3. P. 13–17.

[13] Federal Law No. 210-FZ dated July 27, 2010, «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140498> (accessed: June 13, 2026).

[14] Volgin P.A. Key theoretical approaches to defining legal culture // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. P. 18–20.

[15] Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020, «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/>

proxy/ips/?docbody=&nd=102801479 (accessed: 13.06.2026).

[16] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996, «On the Judicial System of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098> (accessed: 13.06.2026).

[17] The Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation constitute the procedural framework for judicial protection in civil, economic, criminal, and public-law disputes, respectively.

[18] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994, «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (accessed: 13.06.2026).

[19] Aushева M.Ya. Constitutional and Legal Status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Current State and Prospects for Development // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 79–83.

[20] Rights, Freedoms, and Obligations in the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/> (accessed: 13.06.2026). [21] Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 21-FZ of March 8, 2015 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (accessed: June 13, 2026).

[22] Federal Law No. 68-FZ of April 30, 2010, «On Compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judicial Act within a Reasonable Time» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102138001> (accessed: June 13, 2026).

[23] Federal Law No. 262-FZ of December 22, 2008, «On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126522> (accessed: June 13, 2026).

[24] Law of the Russian Federation No. 2202-1 of January 17, 1992, «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/>

ips/?docbody=&nd=102014157 (accessed: June 13, 2026).

[25] Federal Law of 2 May 2006 No. 59-FZ «On the Procedure for Considering Appeals by Citizens of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102106413> (accessed: 13.06.2026).

[26] Makhaev R.M. Civil Service Reforms in the Russian Federation at the Present Stage: Content and Results // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 232–236.

[27] Federal Constitutional Law of Feb. 26, 1997, No. 1-FKZ «On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861> (accessed: 13.06.2026).

[28] Annual Reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation // Official Website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhгодnye-doklady> (accessed: 13.06.2026).

[29] Federal Law of Nov. 21, 2011, No. 324-FZ «On Free Legal Aid in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201111210005> (accessed: 13.06.2026).

[30] Federal Law of Oct. 2, 2007, No. 229-FZ «On Enforcement Proceedings» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007> (accessed: 13.06.2026).

[31] Khomich E.D. Specifics of the interaction between the President and Parliament in the Russian Federation // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. P. 23–27.

[32] Russia ceases to be party to the European Convention on Human Rights // Council of Europe. 16 September 2022. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/russia-ceases-to-be-party-to-the-european-convention-on-human-rights> (accessed: 13.06.2026).

[33] Makhaev R.M. Civil service reforms in the Russian Federation at the present stage: content and results // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 232–236.

[34] Federal Law No. 183-FZ of June 11, 2022, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028> (accessed: 13.06.2026).